

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 323(669)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-25-46

Нигерия в поисках «подлинного федерализма»

Андрей А. Захаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zakharov.aa@rggu.ru*

Аннотация. В статье анализируются процессы, сопровождающие совершенствование федеративной государственности в современной Нигерии. Признание нигерийским обществом дефектов, присущих нынешней сверхцентрализованной модели федерации, которая культивировалась военными режимами 1960–1990-х гг., спровоцировало дискуссию о так называемом «подлинном федерализме» – идеальном состоянии, какое, по мысли критиков, нигерийская федерация за несколько десятилетий так и не смогла обрести. В ряду ключевых вопросов, поднимаемых в связи с «подлинным федерализмом», обсуждаются оптимальная региональная «нарезка», включая опции увеличения или, напротив, сокращения числа субъектов федерации, а также поиск наиболее справедливой формулы распределения доходов от добываемой в стране нефти. Однако, и дальнейшее наделение политической субъектностью все новых территорий (и этнических групп), и расширение доли нефтяных доходов, получаемых нефтедобывающими штатами, оказываются двусмысленными мерами: они исцеляют одни недуги нигерийского федерализма, но взамен порождают другие изъяны. Кроме того, выработке более эффективной модели федерации существенно препятствует то, что на нигерийской политической сцене есть мощные силы, которые, вместо поиска «подлинного федерализма», либо добиваются распада страны путем сецессии (диссидентские движения бывшей Биафры или повстанческие группировки дельты Нигера), либо отрицают нигерийскую федерацию как таковую (исламистская группировка «Боко Харам»^{*}).

Ключевые слова: Нигерия, «подлинный федерализм», федеративный торг, нефтяная федерация, фискальный федерализм, Биафра, дельта Нигера, «Боко Харам»^{*}

© Захаров А.А., 2025

^{*}Террористическая организация, запрещенная в РФ.

Для цитирования: Захаров А.А. Нигерия в поисках «подлинного федерализма» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 25–46. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-25-46

Nigeria in search of “true federalism”

Andrei A. Zakharov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zakharov.aa@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes the processes accompanying the improvement of federal statehood in modern Nigeria. The recognition by Nigerian society of the defects inherent in the current over-centralized model of federation, which was cultivated by the military regimes of the 1960–1990s, provoked a discussion about the so-called “true federalism” – an ideal state of affairs, which, according to critics, the Nigerian federation has not been able to achieve for several decades. Among the key issues raised in connection with “true federalism”, optimal regional “slicing” is being discussed, including options for increasing or reducing the number of federated entities, as well as finding the most equitable formula for distributing income from oil produced in the country. However, the further granting of political subjectivity to new segments of national territory (and to ethnic groups), and the expansion of the share of oil revenues received by oil-producing states, turn out to be ambiguous measures: they heal some of the ills of Nigerian federalism, but instead generate other flaws. In addition, the development of a more effective model of federation is significantly hindered by the fact that there are powerful forces on the Nigerian political scene that, instead of seeking “true federalism”, either seek the disintegration of the country through secession (dissident movements of the former Biafra or rebel groups of the Niger Delta), or deny the Nigerian federation as such (the Islamist group Boko Haram^{*}).

Keywords: Nigeria, “true federalism”, federal bargaining, oil federation, fiscal federalism, Biafra, Niger Delta, Boko Haram^{*}

For citation: Zakharov, A.A. (2025), “Nigeria in search of ‘true federalism’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 25–46, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-25-46

После официального возвращения Нигерии к гражданскому правлению, состоявшегося в мае 1999 г., в стране начались горячие дебаты относительно будущего нигерийского федерализма.

Их развертыванию способствовало то, что федеративные устои политической жизни, на протяжении десятилетий поддерживаемые нигерийскими авторитарными режимами и в очередной раз – после неудавшейся сессии Биафры – подтвердившие свою жизнестойкость, снова были закреплены конституционно. Конституция 1999 г., отметившая возвращение гражданской администрации и сменившая Основной закон 1979 г., в плане федеративного устройства воспроизводила базовые положения предшествующего законодательства, вполне соответствовавшего классическим федералистским образцам. Наряду с учреждением двухпалатного парламента новая Конституция закрепляла за федеральным центром 68 эксклюзивных компетенций; помимо того, федеральный парламент мог принимать нормативные акты еще в 12 областях, отнесенных к совместной (конкурирующей) компетенции федерации и штатов. В свою очередь, легислатуры штатов были вольны законодательствовать во всех остальных сферах, а также в тех сегментах совместной компетенции, которые еще не успел охватить федеральный закон. Касаясь принципиального для страны вопроса нефтяной ренты, новая Конституция подтверждала право девяти нефтедобывающих штатов на получение особых «деривационных» выплат, составлявших 13% от извлекаемых ими нефтяных доходов [Adeniran 2020, pp. 261–262]. Эти деньги добавляются к прочим средствам, получаемым ими из федерального бюджета. Более того, в 2004 г. нефтедобывающие субъекты федерации, опираясь на указанную конституционную норму, добились распространения принципа деривации и на месторождения, расположенные в прибрежных водах Нигерии; долгое время добываемые там углеводороды считались «общенациональным достоянием», не имеющим территориальной привязки [Babalola 2019, p. 102].

Тем не менее появление нового системообразующего правового акта, подтверждавшего федеративную природу нигерийской государственности, не только не прекратило, но, напротив, интенсифицировало общественную дискуссию относительно федерализма. Как в гражданском обществе, так и в научных кругах к тому моменту преобладала убежденность в том, что федеративная модель, поддерживаемая при военных диктатурах и потом преемственно доставшаяся новому демократическому режиму, нуждается в радикальной реновации; как пишут, например, Нсемба Ленши и Генри Йенда, «запрос на принятие “подлинного федерализма” инспирируется хищнической природой нигерийского государства, в котором лишь микроскопическое меньшинство распоряжается ресурсами, принадлежащими всей стране» [Lenshie, Yenda 2015, p. 54]. Главной претензией, звучащей чаще других, стала предель-

ная концентрация ключевых государственных полномочий в руках федерального центра – Деле Бабалола, например, утверждает, что «избыточная централизация выступает определяющей особенностью нигерийской федеральной системы» [Babalola 2019, p. 5]. Критикуя ее за это, некоторые нигерийские ученые заходят столь далеко, что называют модель, ныне используемую в собственной стране, не иначе как «тоталитарным федерализмом» (totalitarian federalism) [Ifegwu, Eberinwa 2023, p. 9]. Именно из-за такого положения вещей в Нигерии уже четверть века продолжается поиск возможных альтернатив: иначе говоря, обсуждение так называемого «подлинного федерализма» (true federalism) – желательного, но за годы независимости так и не обретенного модуса федеративного бытия, способного обеспечить устойчивое развитие великой африканской нации [Nwaeze 2017].

При этом в нигерийском политическом дискурсе утвердилось едва ли не полное единодушие относительно того, что «гиганту Африки», стремясь к упомянутой «подлинности», за образцами для подражания обращаться, в общем-то, и некуда: как считают местные ученые, «нигерийский федерализм не следует уподоблять федерализму США, Канады или даже Индии – вместо этого стоит сосредоточиться сугубо на особенностях местного общества» [Egwim 2020, p. 14]. Соответственно, по мнению сторонников подобных воззрений, и главная проблема выглядит довольно самобытной: не подвергая сомнению федеративное устройство как таковое, стране следует сформировать такой его тип, где категорически не допускалась бы гегемония одних этносов или территорий над другими этносами или территориями. Если страна сделает это, то, как предполагается, ей удастся навсегда оставить в прошлом «врожденные пороки» государственного устройства Нигерии, ответственность за которые приписывается британским колонизаторам [Захаров 2023; Falola 2025, pp. 549–553].

Материал, с которым приходится работать нигерийским политикам, предстает крайне неоднородным. С одной стороны, как убедительно показал Дональд Горовиц, преобразования национально-территориальных основ федеративного порядка, проведенные военными режимами в 1960–1990-х гг. и выразившиеся в поэтапном наращивании численности субъектов федерации, заметно снизили уровень социально-политической напряженности в стране, позволив федеративному государству функционировать более эффективно, чем на ранней стадии нигерийской независимости: они, во-первых, вынесли наиболее фундаментальные общественные конфликты с общенационального поля на региональные площадки, снизив тем самым их разрушительный потенциал; во-вторых,

восстановили нарушенный прежде баланс между электоральным «весом» этнических групп и их численностью – покончив тем самым с беспрерывным доминированием хауса-фулани, погубившим Первую республику 1960–1966 гг.; в-третьих, наделили политической субъектностью малые этносы, в прежние времена фактически обреченные на политическую немоту [Horowitz 2007, pp. 959, 961–962]. Но, с другой стороны, долгие годы военного администрирования в сочетании с преумножением числа субъектов федерации – их было 3 в 1960 г., 4 в 1963-м, 12 в 1967-м, 19 в 1976-м, 21 в 1987-м, 30 в 1991-м, 36 в 1996 г., – травмирующим опытом сессии 1967–1970 гг. и потоком нефтяных денег, хлынувших в государственную казну с начала 1970-х гг. [Osaghae 2002, pp. 96–104], формировали спрос на крайне централизованный федерализм. При этом разработка и внедрение конституционных новаций, менявших профиль федерации, десятилетиями оставались недоступными и закрытыми для гражданского общества, поскольку военное руководство не считало необходимым консультироваться по этим (или каким-либо иным) вопросам с населением. Такие хрестоматийные методы совершенствования федеративных отношений, как общенациональный диалог, постепенные конституционные реформы и работа политических партий, при господстве генералов просто не могли использоваться. (Интерлюдия гражданского правления 1979–1983 гг. была слишком короткой, и потому в данном отношении не сказавшейся на общей картине.)

За десятилетия военного правления нигерийский федеральный центр, не встречая противодействия снизу, ожидаемо и неуклонно наращивал собственные компетенции: если в конституциях 1960 и 1963 гг. список исключительных законодательных полномочий федерации состоял всего из 45 пунктов, то в Конституции 1979 г. их было уже 66 [Egwim 2020, pp. 21–23]. Как уже отмечалось, подъем федеральной власти парадоксально, но логично сопровождался созданием все новых и новых штатов, что превратило нигерийский кейс в яркую иллюстрацию одной из специфических особенностей децентрализации в Африке, не раз подмечаемой исследователями: она состоит в том, что обособление в государственном целом все большего числа административных единиц порой не столько *укрепляет*, сколько, напротив, *ослабляет* позиции регионов в их торге с общегосударственной властью. Ведь чем мельче субъекты федерации, тем они слабее, а их политическая, административная и фискальная зависимость от центра крепче. В частности, опираясь на опыт унитарной, но децентрализованной Уганды, Джанет Льюис убедительно показывает, как целенаправленное дробление территориально-административного пространства иногда способно,

вопреки замыслам его инициаторов, не ограничивать центральную власть, но, наоборот, делать ее более мощной – работая тем самым на ренцентрализацию [Lewis 2014]. Сказанное касается не только унитарных, но и федеративных государств; то же самое произошло и в Нигерии после нескольких раундов учреждения новых штатов. Причем на сегодняшний день нигерийским сторонникам реформ не удастся преодолеть этот тренд, поскольку, несмотря на наделение политической субъектностью все большего числа регионов, национальный парламент решительно отвергает любые предложения о расширении региональных компетенций за счет федерального центра – последний раз соответствующие законодательные инициативы были отклонены в 2017 г.

В свете сказанного понятно, что численность субъектов федерации остается одним из важнейших вопросов, беспокоящих нигерийских федералистов. Если сама целесообразность федерации в Нигерии уже давно не ставится под сомнение ни политиками, ни гражданами, то идеальное количество единиц, составляющих союз, в рамках обсуждения «подлинного федерализма» дебатировалось многие годы. В итоговом докладе Национальной конференции, которую в 2014 г. созвал президент Гудлак Джонатан для обсуждения наиболее острых государственных проблем, наряду с пожеланием сохранить федеративную систему как наиболее пригодную для нигерийского разнообразия содержалось предложение добавить к существующим 36 штатам еще 18 штатов [Adeniran 2020, p. 264]. Хотя эта инициатива была оставлена властями без внимания, в последующее десятилетие тема продолжала волновать гражданские и научные круги. Основной мотив остается неизменным уже на протяжении полувека – со времен войны в Биафре, – воплощаясь в следующем вопросе: «Каким образом надо выстроить федерацию, чтобы впредь не позволить отдельной этнической группе или комбинации этнических групп, отдельному штату или комбинации штатов, бесконечно доминировать в государстве, навязывая свою волю всем остальным партнерам?» [Egwim 2020, p. 19].

Нынешнее число штатов одновременно и усиливает, и ослабляет нигерийское федеративное государство, о чем не раз писали нигерийские специалисты [см., например: Faluyi 2023, pp. 265–272]. Если говорить о его сильных сторонах, то многочисленность федерирующихся единиц, и это вполне естественно, действительно не допускает вызревания штата-гегемона, способного подмять под себя всю страну и похожего в этом смысле на бывшей нигерийский Северный регион, придавивший собой Первую республику 1960–1966 гг. и, в конечном счете, обрушивший ее. Вместе с тем диссоциация политической воли на региональном уровне, прису-

шая такой диспозиции, обусловливает, как уже отмечалось выше, гипертрофированную мощь федерального центра: разрозненное сообщество бессильных административных единиц, рождающихся из позитивного, в целом, процесса перераспределения полномочий, заведомо не способно разговаривать с общенациональной властью на равных, что извращает базовые принципы децентрализации [см., например: Eгk 2014; Ewetan 2012]. В частности нигерийские штаты регулярно жалуются на то, что у них нет собственной полиции, поскольку охрана правопорядка прочно монополизирована федеральным центром [Egwim 2020, ch. 5]. Из-за такого положения вещей нередко складываются абсурдные ситуации: на губернаторах лежит конституционная ответственность за обеспечение безопасности на вверенных им территориях, но действующие в штатах полицейские силы им не подчиняются, поскольку комиссар полиции конкретного штата всегда может проигнорировать губернаторские указания на том основании, что его вышестоящим начальством выступает не губернатор, а генеральный инспектор полиции – федеральный чиновник, подотчетный президенту страны [Babalola 2019, p. 105]. Реагируя на это не слишком нормальное положение вещей, некоторые губернаторы создают неофициальные силовые структуры, действующие под их собственной эгидой [Faluqi 2023, p. 177]. Естественно, вытекающая отсюда неразбериха в значительной мере объясняет неспособность нигерийского государства противостоять террористическим и сепаратистским угрозам, о которых речь пойдет ниже.

Из неудовлетворенности описанным положением вещей и рождаются те концепции «подлинного федерализма», в которых предлагается вместо учреждения все новых штатов сформировать крупные федеральные округа, вбирающие в себя по несколько нынешних территориальных единиц. Согласно одной из таких концепций, выдвинутой последователями Фредерика Ротими Аладе Уильямса, в прошлом крупнейшего нигерийского конституционалиста и государственного деятеля, самой оптимальной для Нигерии стала бы «нарезка», предполагающая наличие шести больших регионов: Северо-Центрального, Северо-Восточного, Северо-Западного, Юго-Восточного, Юго-Южного и Юго-Западного. Именно они, по замыслу авторов теории, выступали бы в роли федерирующихся единиц, в то время как штаты внутри каждого из этих «укрупненных» регионов продолжали бы исполнять некоторые управленческие функции, санкционируемые региональными конституциями. Подобно российским сторонникам территориального укрупнения [см., например: Добрынин 2003], приверженцы этой схемы указывают, что субъекты федерации должны обладать

такой численностью населения и такими объемами ресурсов, которые будут достаточными для поддержания экономической устойчивости и, соответственно, изъявления политической субъектности. По их мнению, «неустанное и бессистемное» учреждение новых штатов «разрушает сами основы “подлинного федерализма”» [Ewetan 2012, p. 1082]. Впрочем, подобные «объединительные» идеи тоже пока не вписываются в преобладающий в Нигерии политический дискурс; во многом их отторжению способствует то, что, несмотря на продолжающееся обсуждение благотворности регионального зонирования, под гипотетической сеткой замышляемых мега-регионов «продолжают жить региональные идентичности, утверждавшие себя еще во времена Первой республики (1960–1966)» [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 34] – и уместно повторить, в то время едва не разрушившие страну.

Систематизируя обсуждаемые в настоящее время проекты территориальной организации, можно сказать, что их многообразие сводится к трем вариантам, среди которых: а) децентрализация и перераспределение полномочий в рамках нынешней конституционной схемы, предусматривающей 36 штатов; б) учреждение новых штатов; в) укрупнение «нарезки» посредством создания новых федерирующихся единиц в виде округов, вбирающих в себя по несколько современных штатов. Оценивая их, приходится признавать, что ни один из этих сценариев не решает фундаментальных проблем нигерийского национального единства, расшатывающих страну сегодня – и объясняется это двумя основными причинами. Во-первых, поскольку характер нигерийской федеральной системы предопределяется экономикой, которой присуща выраженная нефтяная зависимость, ни о каком подлинном федерализме нельзя говорить до тех пор, пока нынешние варианты распределения нефтяных доходов не станут консенсусными; однако, на протяжении несколько десятилетий, с самого превращения Нигерии в нефтяную державу, они ожесточенно оспариваются, что не может не блокировать проекты «подлинного федерализма». Во-вторых, на территории Нигерии в настоящее время действуют мощные политические силы, которые вообще не интересуются будущим федерации – либо потому, что считают наилучшим решением выход каких-то регионов из состава федеративного государства, либо из-за того, что безальтернативно придерживаются унитаристской идеологии. Как будет показано ниже, упомянутые факторы отчасти накладываются друг на друга; тем не менее, их удобнее рассмотреть по отдельности.

Начнем с нефти, добыча которой, согласно статистическим данным, покрывает 40% нигерийского ВВП, а продажа приносит стра-

не 95% всей валютной выручки [Babalola 2019, p. 66]. На текущий момент иные отрасли экономики и близко не могут конкурировать с сырьевым сектором, так как начавшийся полвека назад нефтяной бум довольно быстро сделал невыгодными инвестиции сначала в сельское хозяйство (хотя до открытия нефтяных месторождений страна специализировалась именно на аграрном производстве, культивируя в первую очередь земляной орех и какао), а потом и в легкую промышленность. Как и в некоторых других государствах –рантье, в Нигерии приобщение к государственной власти означает доступ к сырьевым ресурсам, посредством которого укрепляется положение отдельных лиц и целых групп, включая этнические. Последствия такого положения вещей тройственны. Прежде всего крупные этнические общности неизбежно начинают соперничать между собой за обладание федеральным центром и его деньгами, подстраивая под эти задачи систему политической конкуренции. Далее, чем шире поток нефтяных денег, тем более зависимыми оказываются субъекты федерации, поскольку распределение нефтяной ренты неизменно остается прерогативой центра, превращая федерализм в пустую формальность. Наконец, в недемократических контекстах нефтяное изобилие неизбежно порождает коррупцию, которая размывает типовые модели федеративного торга, причем Нигерия в коррупционном плане опережает многие другие нефтедобывающие страны. Каждый из перечисленных факторов успел нанести большой или меньший урон нигерийским федеральным устоям.

В национальных моделях фискального федерализма ключевое значение имеют два вопроса: за сбор каких конкретно налогов отвечают различные уровни власти и как между этими уровнями делятся общенациональные налоговые поступления. В Нигерии, где углеводородные доходы обеспечивают львиную долю пополнения казны, а на центральное правительство приходится 98% совокупных налоговых поступлений, субъекты федерации зависят от трансфертных выплат из федерального бюджета на 87% [Андерсон 2009, с. 48–51]. Сказанное означает, что руки региональных властей, превращенных в «экономический придаток федерального правительства» [Ewetan 2012, p. 1083], вечно связаны, а единственная доступная им политическая линия – это беспрекословное следование курсу, намечаемому в Абудже, поскольку иначе можно лишиться федеральных грантов. Это «равенство в покорности» не может устраивать всех хотя бы потому, что в одних штатах нефть добывается, а в других – нет, и первые хотят большего куска пирога, чем вторые. Возмущение наличным положением вещей приобретает разные формы; о неконвенциональных, опирающихся на вооруженное насилие, будет

сказано ниже, а если же говорить о конвенциональных формах, то нефтедобывающие штаты многократно требовали от федерального правительства более чуткого отношения к их вкладу в общенациональную копилку. В частности в 2005 г. в ходе Национальной конференции по вопросам политической реформы, которую инициировал тогдашний президент Олусегун Обасанджо, они предлагали поднять порог деривационных выплат территориям, добывающим нефть, до 17% [Babalola 2019, p. 144]. Однако, как образно пишет Олабанджи Эветан, «агитация в пользу более децентрализованных фискальных установлений, исходящая от нижестоящих уровней власти, неизменно наталкивается на яростное сопротивление федерального Левиафана» [Ewetan 2012, p. 1079]. Отсюда делается вывод о том, что в нефтяной федерации «подлинный федерализм» должен в первую очередь восторжествовать в финансовой сфере, а она подтянет за собой все остальные. Открытым, впрочем, остается вопрос о том, как должна выглядеть «идеальная» матрица, ибо, как справедливо отмечает Деле Бабалола, «всякий раз, когда внедрялась какая-то новая схема, одни регионы приобретали, а другие теряли» [Babalola 2019, p. 107]. Это не удивительно, поскольку универсального понятия «подлинного федерализма» в Нигерии нет: различные акторы трактуют этот концепт по-разному, приспособлявая его к собственным запросам и нуждам.

Теперь следует остановиться на силах распада, блокирующих приближение Нигерии к «подлинному федерализму». На сегодня признанным фактом является то, что центральное правительство Федеративной Республики Нигерия не контролирует всей территории страны. Иначе говоря, на ее карте есть такие участки, где федеральные законы не действуют, а федеральные органы власти функционируют лишь номинально [см., например: Ojo, Aina, Oye-wole 2024; Okoli, Ngom 2024]. Причем, как подчеркивают специалисты, «политическое и символическое значение таких анклавов значительно превосходит их географические размеры» [Hill 2012, p. 22] – и это несомненная правда. К числу проблемных, пусть и в разной степени, можно отнести как минимум три фрагмента национальной территории: а) отдельные части некогда разгромленной Республики Биафра; б) нефтеносную дельту реки Нигер; в) некоторые районы северо-восточного штата Борно, примыкающего к озеру Чад. В каждом из упомянутых участков действуют собственные носители антифедералистской идеологии, по-разному подрывающие административно-территориальные основы государства.

Во-первых, на деконструкции нигерийской федерации вместо любого ее обновления настаивают учрежденное на рубеже 1990-х и 2000-х гг. «Движение за восстановление суверенного государства

Биафра» (Movement for the Actualisation of the Sovereign State of Biafra – MASSOB) и появившаяся в начале 2010-х гг. группа «Коренной народ Биафры» (Indigenous People of Biafra – IPOB), претендующие на правопреемство в отношении самопровозглашенной республики конца 1960-х [Nwankpa 2023, pp. 110–112]. Хотя их активисты придерживаются ненасильственных методов политической борьбы, власти Нигерии объявили обе группировки незаконными. (IPOB, которая была запрещена в соответствии с федеральным Актом о терроризме в 2017 г., удалось успешно оспорить это решение в судебном порядке: осенью 2023 г. запрет официально был снят.) Целью сепессионистов провозглашается политическое самоопределение народа игбо, одного из трех наиболее многочисленных этносов страны, предусматривающее создание собственно этнического государства.

Впрочем, согласно экспертным оценкам, эта инициатива пользуется минимальной поддержкой даже среди самих игбо, «хотя сепаратисты утверждают, что идею независимости разделяют до 80% представителей группы» [Попов 2012, с. 432]. «Кампания по возрождению Биафры непопулярна среди элит игбо, поскольку их политические и деловые интересы охватывают всю страну, а не только один регион, – пишет в той же связи нигерийский исследователь. – Вероятно, для игбо разговоры о возможной сепессии служат просто одним из козырей в сложной игре, целью которой выступает максимально благоприятная аккомодация этнической группы в рамках многонациональной федерации» [Babalola 2019, p. 142]. Несмотря на то что о притязаниях на территориальный контроль речь здесь вообще не идет, а в электоральном плане группировки абсолютно безвредны, поскольку их устремления не поддерживаются ни одной из зарегистрированных партий, неспособность центрального правительства справиться с подобными умонастроениями показательна. Она свидетельствует о том, что в бывшем Восточном регионе даже спустя полвека после завершения кровавого междоусобного конфликта есть люди, навсегда исключившие из будущего страны опцию федеративного торга. В этой связи вполне можно согласиться с учеными, которые утверждают, что «влияние войны в Биафре на национальную душу сопоставимо с аналогичным влиянием американской Гражданской войны 1861–1865 гг.» [Campbell, Page 2018, p. 31].

В реакции федеральных властей на сепаратистское брожение в бывшей Биафре преобладает «мягкий» подход, который противопоставляется исследователями подходу «жесткому»; он нацелен на выравнивание уровня жизни всех территорий, входящих в федерацию, а также на восполнение недостаточной представленности

игбо в рядах федерального чиновничества и офицерства. Прежде всего на первый план в государственной стратегии выдвигаются мероприятия, призванные ликвидировать ощущение депривации, которое разделяют многие жители юго-восточной части страны. С этой целью еще в 2016 г. правительство запустило процедуру создания федеральной Комиссии по развитию Юго-Востока (South East Development Commission – SEDC), которой за счет федерального бюджета будет поручено инфраструктурное развитие региона, включая строительство жилья, дорог, медицинских и образовательных объектов. Несмотря на почти восьмилетнюю законодательную волокиту, в апреле 2024 г. федеральный акт об учреждении этого органа был, наконец, принят нигерийским парламентом, на что местная пресса отреагировала с немалым воодушевлением. Так, согласно комментарию одной из федеральных газет, закон «восстановит живущий на юго-востоке народ игбо в его правах, сделав его равноправным бенефициаром дивидендов, приносимых нигерийской демократией», и «послужит катализатором развития юго-восточных регионов страны» [Ohaforuka 2024]. Удастся ли достичь ожидаемого эффекта, сказать пока трудно, особенно помня о запредельном уровне коррупции, отличающем нигерийскую государственную машину [см., например: Норе 2017, pp. 125–162]; тем не менее обновление институциональной «начинки» федеративного государства вполне может оказаться полезным лекарством, минимизирующим его срывы и сбои.

Во-вторых, дисфункции нигерийского федерализма запустили сепаратистское брожение в тех частях страны, где добывается нефть. Говоря об этом, стоит подчеркнуть, что географические очертания этих территорий во многом совпадают с теми землями, где в 1967–1970 гг. действовали сепаратисты Биафры. В нефтеносных районах обосновались сразу несколько группировок, которые, в отличие от мирно ностальгирующих поклонников Республики Биафра из MASSOB и IPOB, ведут не словесную, а вооруженную борьбу с центральным правительством [Mai-Vogun 2020, pp. 65–83; Nwankpa 2023, pp. 94–102]. В настоящее время самыми крупными из них остаются созданные в середине 2000-х гг. «Движение за освобождение дельты Нигера» (Movement for the Emancipation of the Niger Delta – MEND) и «Народные добровольческие силы дельты Нигера» (Niger Delta Peoples Volunteer Force – NDPVF), выступающие от имени этнического меньшинства иджо. В отношении этих и родственных им структур федеральное правительство применяет комбинацию «мягких» и «жестких» методов.

Организации мятежников, перечень которых время от времени меняется, действуют на территории шести штатов, входящих в

субрегион дельты Нигера, и добиваются, согласно их собственным декларациям, экономической и экологической справедливости. Решение этих задач видится им в утверждении «принципа ресурсного контроля» – авторство термина приписывают Джеймсу Ибори, служившему губернатором нефтедобывающего штата Дельта в 1999–2007 гг., – подразумевающего нерушимое юридическое право сообществ в сколько-нибудь существенной степени контролировать естественные богатства, содержащиеся в недрах населяемых ими территорий [Babalola 2019, p. 122]. Для сторонников такой позиции это несомненный атрибут рассматриваемого в этом тексте «подлинного федерализма», причем ресурсный контроль, полагают они, гораздо более благоприятствует местным сообществам, чем применяемый в настоящее время принцип деривации: согласно последнему, следует напомнить, чем шире объемы углеводородов, добываемых на конкретной территории, тем больше доля достающихся ей бюджетных средств. Между тем, по мнению скептиков, «ресурсный контроль» – понятие менее четкое, хотя и более броское: это не столько легально-правовой, сколько политико-агитационный термин, который трудно встроить в структуры фискального федерализма [Egwim 2020, pp. 77–82].

Если говорить конкретно о MEND, то требования этой группировки не менялись с 2006 г. – с того момента, когда они впервые были обнародованы. Среди прочего движение настаивает на том, чтобы международные нефтяные компании, которые работают в Нигерии, выплатили жителям дельты Нигера 1,5 млрд долларов компенсации за причиненный региону экологический ущерб, а федеральное правительство начало передавать нефтедобывающим штатам *половину* доходов от нефтедобычи. Очевидно, что, по крайней мере часть этой программы имеет отношение к федеративному устройству: ведь вопросы оптимального распределения углеводородной ренты для Нигерии уже много десятилетий остаются крайне болезненными. Серия нападений на объекты нефтяной инфраструктуры, подготовленных и проведенных MEND с конца 2000-х гг., а также заявления группировки о том, что она в любой момент может полностью блокировать экспорт нигерийской нефти, заставили власти сочетать силовое ее подавление с методами кооптации. Как отмечают специалисты, «решение MEND отказаться от наличия единой и иерархической структуры командования сделало движение организационно зыбким, но зато вполне эффективным в плане партизанских вылазок по всему региону. ...Из-за невидимой природы группировки ни армия, ни корпорации, ни правительство не могут обозначить ее в виде подлежащей уничтожению конкретной цели и, соответственно, пресечь ее активность» [Kilungu 2021, pp. 7–8].

По этой причине налеты силовиков на партизанские базы в последние годы чередовались с амнистированием инсургентов – в частности, большая программа амнистии, включающая помилование 30 тысяч партизан, а также образовательные, реабилитационные, финансовые меры, была запущена федерацией в 2009 г., – а полевые командиры первого поколения время от времени получали должности в исполнительной и законодательной власти южных штатов. Такая стратегия, однако, в одно и то же время оказывается и действенной, и бесплодной. С одной стороны, действительно, «покушаясь на нефтяную выручку государства, даже самые амбициозные из вооруженных группировок могут рассчитывать на то, что правительство так или иначе допустит их к кормушке и включит в свои патронажные сети» [Campbell, Page 2018, pp. 130–131]; но, с другой стороны, поскольку ни один из дефектов нигерийского федерализма этими трюками не устраняется, место подкупленных и кооптированных бойцов незамедлительно занимают очередные инсургенты из все новых и новых группировок.

В-третьих, мощным фактором, подрывающим само существование нигерийской федерации, не говоря уже о внедрении «нового федерализма», выступает деятельность воинствующих исламистов в лице, прежде всего, группировки «Боко Харам»* и ее наследников [Thurston 2018; Zenn 2020]. Именно она несет первейшую ответственность за то, что Федеративная Республика Нигерия в последние годы часто оказывается в «десятке» государств, наиболее страдающих от террористических атак; по итогам 2023 г. эта страна, где за двенадцать месяцев от рук террористов погибли 5575 человек, оказалась по упомянутому показателю восьмой¹. Как подчеркивают Олумуйива Фалуи, Султан Хан и Адеоие Акинола, «Боко Харам»* «отличается от прочих террористических групп своей мотивацией, в которой политическое, социальное и религиозное перемешаны друг с другом» [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 3]. В плане неприятия нынешних устоев местной государственности эта структура гораздо более радикальна, нежели иные группы, упомянутые выше: нынешнее устройство не интересует ее ни в каком из своих аспектов, включая и его федеративную природу, поскольку оно считается заслуживающим только сноса и замены на так называемую «первозданную» мусульманскую государственность. Соответственно, все наличные государственные структуры объявляются «греховными» и «нечистыми», а причастные к ним мусульмане клеймятся как «отступники» [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 68].

¹ Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2024. Sydney: Institute for Economics & Peace, 2024. 82 p.

Федералистские мотивы, которые так или иначе присутствуют в дискурсивном поле сепаратистов бывшей Биафры или повстанцев дельты Нигера, в данном случае сведены к нулю: фанатиков-исламистов эта тема попросту не интересует. Вместе с тем, практические приемы, которыми они утверждают свои идеалы, имеют самое непосредственное отношение к устоям Четвертой республики: насилие, сеемое «Боко Харам» с 2002 г., серьезно дискредитирует нигерийскую государственность и изобличает ее слабость. Спустя два десятилетия после того, как организация из трех тысяч религиозных фанатиков начала свою деятельность, она разрослась до самой настоящей армии с десятками тысяч боевиков, а ее террористические вылазки фиксируются более чем в трети нигерийских штатов. Число людей, погибших от рук «Боко Харам»* за двадцать лет, составляет десятки тысяч, а превратившихся из-за нее в беженцев исчисляется миллионами. В приграничных регионах северо-востока «Боко Харам»* сформировала квазигосударство с собственной администрацией, налогообложением, судами и даже СМИ, причем зона его оперативного охвата, неуклонно расширяясь, перекинулась на соседние районы Камеруна, Нигера и Чада. «Пористая» граница между упомянутыми странами – а она и не может быть иной, составляя около 1700 км с Камеруном и около 1500 км с Нигером (выделяется в указанном отношении лишь Чад, с которым Нигерия граничит на протяжении лишь 87 км), – облегчает активистам «Боко Харам»* переброску оружия, связи с иностранными спонсорами и вербовку иностранных боевиков [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 41]. Нигерийское правительство время от времени закрывает официальные пограничные переходы, но это почти не сдерживает экстремистов: согласно данным федерального министерства внутренних дел, в середине прошлого десятилетия на 84 легальных магистрали, ведущих в страну, приходилось 1499 нелегальных [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 96].

Несмотря на то что и в данном случае федеральное правительство не отказывается от «мягких» мер, среди которых, в частности, Президентская инициатива для Северо-Востока (Presidential Initiative on the North East – PINE), деятельность Фонда поддержки жертв (Victims Support Fund – VSF), учреждение Комиссии по развитию Северо-Востока (North East Development Commission), в данном случае преобладающим инструментом остается «жесткое» силовое реагирование. И это естественно, поскольку в отличие от ситуаций в бывшей Биафре и дельте Нигера здесь речь не идет о том, чтобы мирными протестами или вооруженными вылазками привлечь внимание к разбазариванию региональных ресурсов, порче окружающей среды или маргинализации этнических групп;

ключевым отличием нигерийских исламистов от иных сепаратистских или партизанских группировок выступает то, что «Боко Харам»* не добивается ни территориального расчленения Нигерии, ни освобождения какой-либо ее части из-под власти Абуджи. Напротив, эта организация пусть своеобразно, но ценит единство того политико-географического пространства, которое ныне занимает «гигант Африки» – поскольку рассчитывает распространить законы шариата на всю его территорию [Hill 2012, p. 126].

В контекстах того направления исламской общественно-политической мысли, которого придерживаются нигерийские религиозные экстремисты, тема рассредоточения власти никак не звучит; наоборот, призывы к религиозной войне с «неверными» подкрепляются желанием реанимировать централизованный халифат, некогда рухнувший вместе с Османской империей, но сегодня призванный, как считают исламисты, преодолеть наличные политические формы и вобрать их в себя. Именно об этом заявлял, в частности, лидер «Боко Харам»* Абубакар Шекау в 2014 г., учреждая подобие халифата на контролируемых его сподвижниками землях: «Мы не хотим иметь ничего общего со словом “Нигерия”. Мы используем его лишь потому, что люди к нему привыкли. Эта земля – исламский халифат. И никакая Нигерия нам не нужна» [Shekau 2018]. Произошедший в 2016 г. раскол «Боко Харам»* на две враждующие фракции – сохранившую изначальное название и новую, именуемую «Ансару» – в указанном отношении ничего не изменил: каждая из них по-прежнему рассматривает нигерийскую государственность как временное явление, подлежащее искоренению вместе с ее федеративными устоями – в глазах их руководителей «Нигерия есть лишь трамплин, позволяющий развернуть глобальную экспансию халифата в Западной Африке» [Omenma, Abada, Omenma 2023, p. 57].

Наконец, в этой связи и в заключение необходимо упомянуть о еще одном вызове, который Нигерии придется преодолевать в попытках обрести «подлинный федерализм». Речь идет о сохранении светского характера государственности в стране, где соседствуют несколько крупных религий. Согласно имеющимся статистическим данным, нигерийская конфессиональная палитра выглядит так: мусульмане – 50%, христиане – 40%, анимисты – 10%. Здравый смысл подсказывает, что подобное соотношение настоятельно требует, чтобы государство провозглашало и отстаивало свой светский характер, поскольку любая другая альтернатива чревата межрелигиозной рознью, имеющей в независимой Нигерии довольно богатую историю [Alao 2022; Vaughan 2022]. Внешне страна придерживается именно такого курса: в Конституции 1999 г. прямо

говорится о том, что государство, являясь секулярным, придерживается равенства вероисповеданий, не ассоциируя себя ни с одним из них. Но политическая практика, сдобренная элементами федерализма, рисует гораздо более сложную картину.

Осенью 1999 г. расположенный на севере страны штат Замфара официально провозгласил шариат своей правовой системой, а вслед за этим его примеру последовали еще одиннадцать северных штатов с преобладающим мусульманским населением [Babalola 2019, p. 128]. Такой шаг расколол нигерийское общество: если одна его часть сочла меру антиконституционной и избыточной, то другая, указывая на ее соответствие федералистским установлениям, считала недостаточной, поскольку шариатские суды на севере продолжали действовать параллельно со светскими государственными судами [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 69]. Очень быстро спор о границах федерализма перешел в плоскость, сопряженную с насилием: в 2003 г. «Боку Харам» поддержала избрание нового губернатора штата Борно на том условии, что он, получив должность, превратит шариат в единственный правовой инструмент, применяемый в штате, но, когда этого не произошло, религиозные экстремисты развернули против регионального правительства Борно – и соответственно, против федеративных устоев в целом – настоящую войну, быстро перекинувшуюся на остальные одиннадцать штатов, вовлеченных в эксперимент с шариатом.

Следует ожидать, что в рамках реформирования федеративной модели нигерийские власти сократят дистанцию между состояниями *de jure* и *de facto*: как указывают местные эксперты, если официально признать за северными регионами страны право внедрять в свои правовые системы элементы шариата, одновременно обставив это набором жестких условий и ограничений, то подобная мера, во-первых, укрепит административную сплоченность и умиротворит умеренных исламистов, руководящих северными штатами, а во-вторых, углубит противоречия между ними и мусульманскими экстремистами, не готовыми довольствоваться подобными «полумерами» [Faluyi, Khan, Akinola 2019]. Маргинализация же экстремистов благотворно скажется на всей федеративной системе и облегчит дальнейшее ее совершенствование.

* * *

Любая федеративная система представляет собой динамичную, меняющуюся во времени сущность. Поиски «подлинного федерализма», идущие в Нигерии в последние десятилетия, нацелены, в первую очередь, на избавление от удушающе избыточной централизации, тормозящей национальное развитие, и в этом смысле они

вполне закономерны. Однако, позитивные намерения инициаторов дискуссии не гарантируют успеха преобразований – хотя бы потому, что в стране так и не оформилось консолидированное предствление о том, что такое желанный «подлинный федерализм». Различные акторы, участвующие в федералистских дебатах, видят этот идеал по-разному, а это означает, что дорожная карта перемен так и не выработана. Кроме того, пока нигерийские федералисты полемизируют о частностях – например о том, сколько субъектов нужно иметь в обновленной федерации или каким должно быть справедливое распределение нефтяных доходов, в стране продолжают действовать влиятельные акторы, которые вообще не приемлют слово «федерализм». Это серьезнейшая проблема, которая в обозримой перспективе будет, по-видимому, лишь обостряться. Нигерия как сложнейший социум едва ли сможет существовать без федеративного устройства, но на нынешнем этапе его радикальное усовершенствование практически едва ли возможно. Сказанное означает, что дебаты о «подлинном федерализме» будут продолжены – хотя результат этих исканий отнюдь не предreshен.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (№ 24-18-00650).

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (№ 24-18-00650).

Литература

- Андерсон 2009 – *Андерсон Дж.* Федерализм: введение. М.: Экономика, 2009. 127 с.
- Добрынин 2003 – *Добрынин Н.М.* Новый федерализм: модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск: Наука, 2003. 468 с.
- Захаров 2023 – *Захаров А.А.* О колониальных предпосылках федерализма в Нигерии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 80–94.
- Попов 2012 – *Попов Ф.А.* География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.

- Alao 2022 – *Alao A.* Rage and carnage in the name of God. Religious violence in Nigeria. Durham; L.: Duke University Press, 2022. 312 p.
- Adeniran 2020 – *Adeniran O.* Nigeria (Federal Republic of Nigeria) // The Forum of federations handbook of federal countries – 2020 / ed. by A. Griffiths, R. Chattopadhyay, J. Light, C. Stieren. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 255–270.
- Babalola 2019 – *Babalola D.* The political economy of federalism in Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 180 p.
- Campbell, Page 2018 – *Campbell J., Page M.* Nigeria: What everyone needs to know. Oxford: Oxford University Press, 2018. 240 p.
- Egwim 2020 – *Egwim A.I.* The dynamics of federalism in Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 136 p.
- Erk 2014 – *Erk J.* Federalism and decentralization in Sub-Saharan Africa. Five patterns of evolution // Regional and Federal Studies. 2014. Vol. 24. No. 5. P. 535–552.
- Ewetan 2012 – *Ewetan O.O.* Fiscal federalism in Nigeria: Theory and practice // International Journal of Development and Sustainability. 2012. Vol. 1. No. 3. P. 1075–1087.
- Falola 2025 – *Falola T.* Understanding colonial Nigeria: British rule and its impact. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 694 p.
- Faluyi 2023 – *Faluyi O.T.* National integration and rotational presidency in Nigeria: Setting the ‘rules’ of integration in a plural state. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 384 p.
- Faluyi, Khan, Akinola 2019 – *Faluyi O.T., Khan S., Akinola A.O.* Boko Haram’s* terrorism and the Nigerian state. Federalism, politics, and policies. Cham: Springer, 2019. 157 p.
- Hill 2012 – *Hill J.N.C.* Nigeria since independence. Forever fragile? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 173 p.
- Hope 2017 – *Hope K.R., Sr.* Corruption and governance in Africa: Swaziland, Kenya, Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 204 p.
- Horowitz 2007 – *Horowitz D.* The many uses of federalism // Drake Law Review. 2007. Vol. 55. P. 953–966.
- Ifegwu, Eberinwa 2023 – *Ifegwu A.N., Eberinwa O.M.* True federalism. Catalyst for sustainable growth and development in Nigeria // International Journal of Public Administration. 2023. Vol. 2. No. 2. P. 1–20.
- Kilungu 2021 – *Kilungu M.* Movement for the “Emancipation of the Niger Delta” (MEND) constitutes a threat to the U.S. national security // Open Access Library Journal. 2021. Vol. 8. No. 6. P. 7–8.
- Lenshie, Yenda 2015 – *Lenshie N.E., Yenda H.B.* Is there any true federalism? Revisiting the “true federalism” debate in Nigeria // Research on Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 5. No. 15. P. 54–66.
- Lewis 2014 – *Lewis J.I.* When decentralization leads to recentralization. Subnational state transformation in Uganda // Regional and Federal Studies. 2014. Vol. 24. No. 5. P. 571–588.
- Mai-Bornu 2020 – *Mai-Bornu Z.L.* Political violence and oil in Africa. The case of Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 253 p.

- Nwaeze 2017 – *Nwaeze N.C.* “True” federalism in a well-structured Nigeria. The panacea to her economic development challenges // *Greener Journal of Economics and Accountancy*. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 26–42.
- Nwankpa 2023 – *Nwankpa M.* Nigeria’s Fourth Republic, 1999–2021. A militarised democracy. N.Y.: Routledge, 2023. 188 p.
- Ohajuruka 2024 – *Ohajuruka S.* SEDC bill as a new foundation for peace, prosperity and justice in Nigeria // *Vanguard (Lagos)*. 2024. April 29. URL: <https://www.vanguardngr.com/2024/04/sedc-bill-as-a-new-foundation-for-peace-prosperity-and-justice-in-nigeria/> (дата обращения 29.01.2025).
- Ojo, Aina, Oyewole 2024 – *Armed banditry in Nigeria. Evolution, dynamics, and trajectories* / ed. by J.S. Ojo, F. Aina, S. Oyewole. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 311 p.
- Okoli, Ngom 2024 – *Banditry and security crisis in Nigeria* / ed. by A.Ch. Okoli, S. Ngom. L.: Routledge, 2024. 306 p.
- Omenma, Abada, Omenma 2023 – *Omenma J.T., Abada M.I., Omenma Z.O.* Boko Haram* insurgency. A decade of dynamic evolution and struggle for a Caliphate // *Ten years of Boko Haram* in Nigeria. The dynamics and counterinsurgency challenges* / ed. by J.T. Omenma, I.E. Onyishi, A.-M. Okolie. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 43–67.
- Osaghae 2002 – *Osaghae E.E.* Crippled giant. Nigeria since independence. Ibadan: John Archers Publishers Limited, 2002. 342 p.
- Shekau 2018 – *Shekau A.* Declaration of an Islamic Caliphate // *The Boko Haram* reader. From Nigerian preachers to the Islamic state* / ed. by A. Cassim, M. Nwankpa. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 321–326.
- Thurston 2018 – *Thurston A.* Boko Haram*. The history of an African jihadist movement. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018. 352 p.
- Vaughan 2022 – *Vaughan O.* Christian-Muslim conflict in post-civil war Nigeria // *Nigeria in the Fourth Republic. Confronting the contemporary political, economic, and social dilemmas* / ed. by E.I. Udogu. Lanham: Lexington Books, 2022. P. 113–129.
- Zenn 2020 – *Zenn J.* Unmasking Boko Haram*. Exploring global jihad in Nigeria. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2020. 415 p.

References

- Adeniran, O. (2020), “Nigeria (Federal Republic of Nigeria)”, in Griffiths, A., Chattopadhyay, R., Light, J. and Stieren, C., eds., *The Forum of Federations handbook of federal countries*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 255–270.
- Alao, A. (2022), *Rage and carnage in the name of God. Religious violence in Nigeria*, Duke University Press, Durham, London, UK.
- Anderson, G. (2009), *Federalism: vvedenie* [Federalism. An introduction], Ekonomika, Moscow, Russia.

- Babalola, D. (2019), *The political economy of federalism in Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Campbell, J. and Page, M. (2018), *Nigeria: What everyone needs to know*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Dobrynin, N.M. (2003), *Novyi federalizm: model' budushchego gosudarstvennogo ustroystva Rossiiskoi Federatsii* [New federalism: A model of future government system in the Russian Federation], Nauka, Novosibirsk, Russia.
- Egwim, A.I. (2020), *The dynamics of federalism in Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Erk, J. (2014), "Federalism and decentralization in Sub-Saharan Africa. Five patterns of evolution", *Regional and Federal Studies*, vol. 24, no. 5, pp. 535–552.
- Ewetan, O.O. (2012), "Fiscal federalism in Nigeria: Theory and practice", *International Journal of Development and Sustainability*, vol. 1, no. 3, pp. 1075–1087.
- Falola, T. (2025), *Understanding colonial Nigeria: British rule and its impact*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Faluyi, O.T. (2023), *National integration and rotational presidency in Nigeria. Setting the 'rules' of integration in a plural state*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Faluyi, O.T., Khan, S. and Akinola, A.O. (2019). *Boko Haram's Terrorism and the Nigerian State: Federalism, Politics, and Policies*, Springer, Cham, Switzerland.
- Hill, J.N.C. (2012), *Nigeria since independence. Forever fragile?* Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- Hope, K.R., Sr. (2017), *Corruption and governance in Africa: Swaziland, Kenya, Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Horowitz, D. (2007), "The many uses of federalism", *Drake Law Review*, vol. 55, pp. 953–966.
- Ifegwu, A.N., and Eberinwa, O.M. (2023), "True federalism. Catalyst for sustainable growth and development in Nigeria", *International Journal of Public Administration*, vol. 2, no. 2, pp. 1–20.
- Kilungu, M. (2021), "Movement for the 'Emancipation of the Niger Delta' (MEND) constitutes a threat to the U.S. national security", *Open Access Library Journal*, vol. 8, no. 6, pp. 7–8.
- Lenshie, N.E. and Yenda, H.B. (2015), "Is there any true federalism? Revisiting the 'true federalism' debate in Nigeria", *Research on Humanities and Social Sciences*, vol. 5, no. 15, pp. 54–66.
- Lewis, J.I. (2014), "When decentralization leads to recentralization. Subnational state transformation in Uganda", *Regional and Federal Studies*, vol. 24, no. 5, pp. 571–588.
- Mai-Bornu, Z.L. (2020), *Political violence and oil in Africa. The case of Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Nwaeze, N.C. (2017), "'True' federalism in a well-structured Nigeria. The panacea to her economic development challenges", *Greener Journal of Economics and Accountancy*, vol. 6, no. 2, pp. 26–42.
- Nwankpa, M. (2023), *Nigeria's Fourth Republic, 1999–2021. A militarised democracy*, Routledge, New York, USA.

- Ohajuruka, S. (2024), “SEDC bill as a new foundation for peace, prosperity and justice in Nigeria”, *Vanguard (Lagos)*, April 29, available at: <https://www.vanguardngr.com/2024/04/sedc-bill-as-a-new-foundation-for-peace-prosperity-and-justice-in-nigeria/> (Accessed 29 Jan. 2025).
- Ojo, J.S., Aina, F. and Oyewole, S., eds. (2024), *Armed banditry in Nigeria. Evolution, dynamics, and trajectories*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Okoli A.Ch. and Ngom S., eds. (2024), *Banditry and security crisis in Nigeria*, Routledge, London, UK.
- Omenma, J.T., Abada, M.I. and Omenma, Z.O. (2023), “Boko Haram* insurgency: A decade of dynamic evolution and struggle for a Caliphate”, in Omenma, J.T., Onyishi, I.E., Okolie, A.-M., eds., *Ten years of Boko Haram* in Nigeria: The dynamics and counterinsurgency challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 43–67.
- Osaghae, E.E. (2002), *Crippled giant: Nigeria since independence*, John Archers Publishers Limited, Ibadan, Nigeria.
- Popov, F.A. (2012), *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [The geography of secessionism in contemporary world], Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Shekau, A. (2018), “Declaration of an Islamic Caliphate”, in Cassim, A. and Nwankpa, M., eds., *The Boko Haram* reader: From Nigerian preachers to the Islamic state*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 321–326.
- Thurston, A. (2018), *Boko Haram*: The history of an African jihadist movement*, Princeton University Press, Princeton, Oxford, USA.
- Vaughan, O. (2022), “Christian-Muslim conflict in post-civil war Nigeria”, in Udogu, E.I., ed., *Nigeria in the Fourth Republic: Confronting the contemporary political, economic, and social dilemmas*, Lexington Books, Lanham, USA, pp. 113–129.
- Zakharov, A.A. (2023), “On colonial prerequisites of federalism in Nigeria”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 80–94.
- Zenn, J. (2020), *Unmasking Boko Haram*: Exploring global jihad in Nigeria*, Lynne Rienner Publishers, Boulder, USA.

Информация об авторе

Андрей А. Захаров, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; zakharov.aa@rggu.ru

Information about the author

Andrei A. Zakharov, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zakharov.aa@rggu.ru